

Леонид Талочкин. 1970.

Вот уже два месяца в Москве действует новый музей, в основу которого положена личная коллекция московского собирателя Леонида Прохоровича Талочкина. В столице, обделенной экспозицией искусства новейшего времени, открытие музея современного искусства — событие экстраординарное. Анахроничная ретроспектива XX века в Третьяковке прерывается сороковыми годами, а спешно, к назначенной дате 25 мая, формируемый в галерее отрезок послевоенных десятилетий тоже не сулит ничего хорошего. Что касается скороспелой затем Церетели, не по праву нареченной «Музеем современного искусства», — это всего лишь очередная «потемкинская деревня».

Название «Другое искусство» повторяет имя выставки 120 московских художников-нонконформистов, прошедшей на заре 90-х в Москве и Ленинграде. Так озаглавлена и новая музейная экспозиция, разместившаяся на нескольких этажах музейного центра Российского государственного гуманитарного университета. Напомним, что недавно именно в РГГУ, ректором которого в течение многих лет является Юрий Афанасьев, нашло пристанище уникальное цветное собрание античных слепков, ранее хранившееся в Музее изобразительных искусств.

Коллекция Талочкина, насчитывающая более 1500 произведений, — одна из крупнейших в стране. Живопись, графика, скульптура, объекты, фотографии 60-90-х годов — работы наиболее ярких представителей поколения «шестидесятников» и их последователей. Это Оскар Рабин, Владимир Немухин, Владимир Вейсберг, Николай Вечтомов, Борис Свешников, Эдуард Штейнберг, Михаил Чернышов, Михаил Рогинский, Дмитрий Краснопевец, Александр Харитонов, Владимир Яковлев, Эрнст Неизвестный и многие другие.

Почти все в этой коллекции, окрашенной личностью собирателя, не куплено, а подарено друзьями-художниками. Владимир Немухин заметил, что Талочкин «видел в бытовых мелочах, происшествиях и курьезах, связанных с жизнью андеграунда, глубокую значимость, скрытую от повседневного сознания... обладал вдохновенным упорством». Добавим, Талочкин не просто видел и оценивал, он был вовлечен в атмосферу времени, в сердцевину жизни. Это живое свойство соучастника-единомышленника (а не только талантливый и страстный собиратель, наделенный особым даром) как будто передалось и его детищу — коллекции, действительно представляющей «срез эпохи».

Предлагаем читателям «РМ» беседу с Леонидом Талочкиным.

— Говорят, что фигура Талочкина появилась на небосклоне культурной жизни Москвы в самом начале шестидесятых. С чего же все начиналось?

— Все происходило стихийно. Еще в юности, а было мне тогда лет 18, разбирая остатки одной библиотеки, я наткнулся на сборничек Брюсова. И вдруг понял, что здесь таится что-то мне неведомое — другая поэзия, не та, которую мы проходили в школе. Однажды в доме моего школьного друга мне попался на глаза красный том, который использовался как подставка для чайника. Это был Бальмонт, и я без труда выпросил его в подарок. Так возник интерес к Серебряному веку.

— К той эпохе, литературе, но не к современности, тем более к современной живописи?

— Да, это скорее было увлечение книгами. Я искал сам, «наощупь». Помню, что у подружки моей тети, актрисы театра Вахтангова, был довоенный каталог Третьяковки, который я, 14-летний мальчик, любил листать. И меня заинтересовал не кто-нибудь, а Сарьян — правда, хозяйка тогда меня высмеяла.

— Значит, у вас в юности не было союзни-

ков ни среди ровесников, ни среди взрослых?

— Пожалуй, да. Хотя моя мама меня, может быть, и не совсем, но все же понимала. Отец погиб, когда мне было четыре года. У нас со-

Русская мысль. - Парит. - 2000. - 4 мая. - с. 15.
«Другое искусство»
Леонида Талочкина

Интервью с коллекционером

хранилась богатая дедовская библиотека, в которой я любил рыться. Дед с материнской стороны был священником, семья жила в Петербурге. После смерти деда моя мать уехала к старшему брату, штабс-капитану, служившему в Верном (Алма-Ата), где окончила гимназию. Мама свободно говорила по-французски и по-немецки, знала латынь. Умерла она в 1976 году. Так что она была свидетелем моего собирательства.

А что касается ровесников, то со школьными приятелями я предпочитал играть в футбол. На уроках всегда внимательно слушал, чтобы экономить время — поменьше заниматься дома, и прекрасно учился по всем предметам. Правда, одним сочинением я чуть было не на-

нимался, после института работал инженером-конструктором в Центральном котлотурбинном институте.

— Вы сказали, что прагматический подход к учебе в школе диктовался стремлением иметь свободное время для занятий тем, что «сердцу мило». И тот же подход сохранился в более зрелом возрасте, хотя жизнь ставила свои условия?

— Нужно было как-то зарабатывать. Я хорошо чертил, брал халтуру, сдавал экзамены за заочников, причем в разных вузах. А котлы и турбины да и вообще техника меня не интересовали. Правда, именно в тот период, в конце 50-х — начале 60-х, стало складываться некое сообщество. Как-то один институтский сотрудник случайно узнал, что машинистка перепечатывает для меня стихи Гумилева, и захотел познакомиться. В тот же день он отвел меня к своему другу, поэту и художнику Борису Козлову, с которым я дружил до самой его смерти. Он-то и подарил мне в 1962 г. первую вещь коллекции — рисунок, и я сразу повесил его на стену.

— Ваши увлечения совпадали с настроениями поколения, атмосферой тех лет?

— Помимо сугубо личных поисков, были и внешние «толчки». Первый серьезный импульс дала все-таки выставка Пикассо в 1956-м, затем выставки на фестивале молодежи и студентов в 1957-м, и еще американская выставка

Оскар Рабин. Пьяная кукла. 1972.

вредил писателю Александру Беку. Тема была «Роль партии в романе Бека». Я поехал в Ленинку, прочел статьи о том, что значит «роль партии», и — «роли партии» не обнаружил. Что тут началось! Меня хотели со скандалом исключить из школы, вызвали представителя райкома комсомола, который повернул дело в неожиданное и более коварное русло: «А вам не кажется, что молодой человек подал нам очень важный сигнал? У нас есть люди, которые не понимают роли партии, и мы их должны выявлять и уничтожать». И в одночасье я из гонимого превратился в героя — разоблачителя «тайных врагов». Это было хорошим уроком.

— А вы-то как раз творчеством тайных врагов и увлеклись...

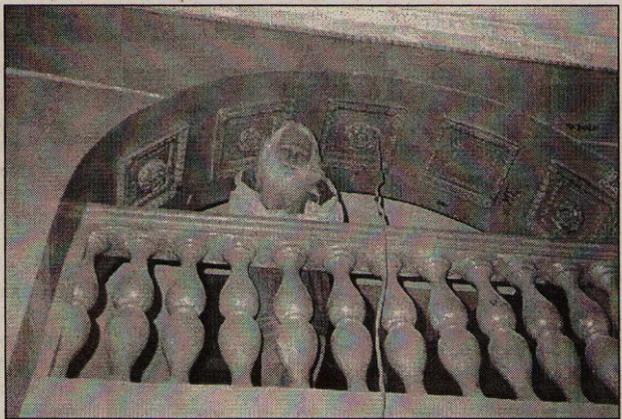
— Что вы хотите, шел 1953 год. Круга единомышленников не было. Правда, постепенно стали складываться знакомства, прежде всего с некоторыми книжными спекулянтами, среди которых встречались забавные персонажи. Я ходил по букинистам, попадались журналы Серебряного века — «Золотое руно», «Аполлон», «Весы», разглядывал репродукции, читал статьи об искусстве, например, Тугендхольда. Но серьезных знаний, информации не хватало.

— Можно сказать, что юношеские поиски и открытия, погруженность в особую книжную жизнь Москвы начала 50-х, накануне и после смерти Сталина, предопределили вашу судьбу — увлеченность неофициальным, запрещенным искусством?

— Кроме московской атмосферы тех лет, особую роль в моей биографии сыграл Коктебель, куда я начал ездить еще мальчишкой. А позже в доме-музее Волошина проводил часы, от руки переписывая стихи. Помню, в Коктебеле существовал обычай класть прибрежные камешки на могилу поэта. Сейчас там поставили плитку, а тогда был живой холмик из сердоликов, халцедонов, простой смальты. Как-то на Карадаге, у Сводчатого мыса, я нашел огромный валун фантастической красоты: голубовато-серый базальт напоминал то ли рыбий плавник, то ли парус. Я затолкал его в рюкзак, лямки тут же лопнули, но я поволок его к «Волошину».

В это время на гору, к могиле, поднялась экскурсионная группа, которую вел Виктор Андроникович Мануйлов. «Какая красота! Кто же это притащил?» — обратился он к московской художнице Наталии Тихоновне Сорокиной, старожилке Коктебеля. «Да вот этот молодой чело-

культуры СССР, неожиданно предложил мне поставить на учет мои картины, рисунки и скульптуры, я осознал, что я коллекционер. Было это в конце 1975 — начале 1976 г., когда начальство пыталось дать отступного за бульдозеры, разогнавшие однодневную выставку на пустыре в Беляеве. А дело было так. Наш старый дом шел под снос, и нас с матерью и всем скарбом переселяли в две маленькие комнаты в коммуналке. По совету одного знакомого я отправился хлопотать об отдельной квартире, хотя непонятно, в каком качестве: я ведь был лифтером. Выяснилось, что на прием записываются заранее, но, к удивлению секретарши, меня приняли сразу. «Если не ошибаюсь — Леонид Прохорович? Заходите, пожалуйста», — сказал мне высокий чиновник, который, как ока-

Леонид Талочкин. 2000.

залось, был прекрасно осведомлен и обо мне, и о моих друзьях-художниках. Халтурин даже стал вспоминать квартирные выставки, отдельные работы, их авторов.

— А сколько работ входило тогда в ваше собрание, и сколько насчитывает оно сейчас?

— Когда мое собрание было поставлено на учет как «памятник культуры всесоюзного значения», в нем было примерно пятьсот, а сегодня — около двух тысяч произведений. Собрание все время растет. Например, за день до открытия музея в РГГУ пять замечательных скульптур мне подарил Максим Архангельский, а последнее поступление — дар Вячеслава Колейчука, прямо во время вернисажа.

— Можно сказать, что ваша коллекция состоит исключительно из даров?

— Не только. Скульптуру Эрнста Неизвестного я купил за рубль пятьдесят у старьевщика, торговавшего всякой всячиной. Смотрю: среди хлама лежит бронзовая вещьца. Я взял сломанный кран от самовара, старую дверную ручку, а заодно и эту как будто ненужную штуку. «Сколько?» — спрашиваю. Старьевщик посмотрел на меня и говорит: «Рубль пятьдесят».

Во дворе я выкинул в помойку ручку и кран, а бронзу положил дома на полку. Так она и пролежала полгода. Как-то зашел Эрнст, и я ему ее показал. «Откуда она у тебя? У меня ее семь лет назад пионеры украли. Они собирали металлолом, а мастерская была открыта, они вошли и унесли целую грудку скульптур». А уж как эта вещь попала со Сретенки, где была мастерская Неизвестного, на Балчуг к старьевщику, непонятно. Сейчас она в музее.

— Выставлялась ли когда-нибудь ваша коллекция в таком полном составе?

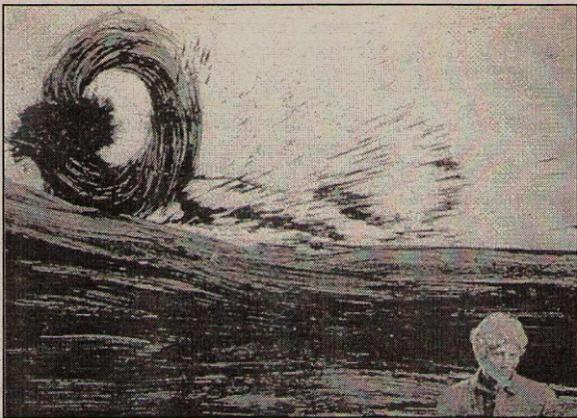
— Было три выставки, где экспонировалось чуть больше ста работ. Конечно, она частично вошла в экспозицию «Другое искусство», показанную в Третьяковской галерее и в Русском музее.

— Не секрет, что именно нонконформистское искусство — белое пятно в собрании Третьяковки, где сейчас кипит работа по созданию экспозиции новейшего искусства. С помощью вашей коллекции этот музей мог бы восполнить зияющие пробелы?

— С Третьяковкой трудно договориться. Так, в 1995 г. в плане Третьяковки стояла выставка на Крымском валу из собраний Талочкина и Нутовича. С нас запросили астрономическую арендную плату в долларах за 20 выставочных дней. Правда, был предложен и альтернативный вариант: галерея сама отберет работы на эту сумму, а мы подарим их ей — так сказать, система взаимозачета. Понятно, что выставка не состоялась, но я не жалею об этом. Хотя музей «Другое искусство» в стенах РГГУ делает только первые шаги и еще предстоит посмотреть, что из этого получится...

НИНА МАХАРАШВИЛИ

Москва

Петр Беленок. Без названия. 1968.

в Сокольниках. С начала 60-х все стало стремительно разворачиваться. Козлов ввел меня в круг поэтов и художников. Я познакомился с Татьяной Калинкиной, работавшей со Львом Нусбергом, с самим Нусбергом — основоположником «кинетизма», с Риммой Сапгир, первой женой Генриха Сапгира. В 1961 г. — выставка в Южинском переулке в Москве, встреча с Вейсбергом. И одновременно знакомство с интереснейшими людьми старшего поколения — Раисой Эдельсон, одно время женой Роберта Фалька, затем Александра Лабаса, с Алексеем Певзнером, братом известного художника русского авангарда Наума Габо. В 1963-1964 гг. я познакомился с Александром Харитоновым, художниками Лианозовской группы.

— И что же, ваша жизнь совершенно изменилась?

— Я бросил чертежи, институт. Сначала устроился хранителем фондов в дирекцию выставки, но там нужно было каждый день ходить на службу, и я стал вахтером, потом кочегаром в типографии «Красный пролетарий» — отапливал их клуб. Лифтерская работа, причем в самых разных местах, длилась дольше всего. Зато я был независим и мог посвящать время любимому занятию.

— Подобный выбор был типичен для многих ваших современников. Но когда именно вы осознали, что ваше предназначение — коллекционировать андеграунд?

— Я никогда не думал, что специально собираю какую-то коллекцию. Только когда Халтурин, начальник управления ИЗО министерства

Талочкин ЛТ

0007, 5.05.2000

168